

И. В. Шмидт
**ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОРНАМЕНТИРОВАННЫХ
 ФРАГМЕНТОВ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ
 ИЗ ЧЕРНООЗЕРСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ***

doi: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-129-136

УДК 902(571.13)“6325”:7.031

ББК 63.442.12(253.3)

Исследование направлено на актуализацию внимания к коллекциям запасников музеев, к фрагментам изделий, составляющим основной массив их фондов. Финальнопалеолитическая стоянка Черноозерье II расположена в Саргатском районе Омской области, открыта и изучена в конце 1960-х — начале 1970-х гг. Уральской археологической экспедицией под руководством В. Ф. Генинга и В. Т. Петрина. Материалы данного памятника достаточно полно раскрыты в публикациях первооткрывателями. Костяные артефакты, оформленные орнаментом, представлены вкладышевым кинжалом, обломками диадем, подвесками, «топориком». Исследование сосредоточено на двух фрагментах костяных изделий с нарушенной орнаментальной записью, хранящихся в Омском государственном историко-краеведческом музее — ОМК 9675/710, ОМК 9675/713. Обсуждается технический алгоритм орнаментальной практики, характерный для косторезов названного комплекса. Выявленные стилистические особенности орнаментальных сюжетов способствуют развитию отдельных тем отечественного палеоискусствоведения: морфологии орнаментальных сюжетов/знаков, хронологических маркеров орнаментов, принципов наблюдения и фиксации узоров, культурно-генетических аспектов развития простейших сюжетов. Полученные результаты предлагаются в качестве аргументов для развития дискуссии о векторах культурного освоения юга Западной Сибири в финале палеолита. Впервые с опорой на характеристику ключевых параметров орнаментальных сюжетов (форма знаков и синтаксис составляющих их элементов) обозначена связь черноозерского материала с уральской орнаментальной традицией финала палеолита — раннего мезолита.

Ключевые слова: юг Западной Сибири, финал палеолита — ранний мезолит, стоянка Черноозерье II, орнаментированные фрагменты костяных изделий, орнаментальный сюжет, технические и стилистические аналогии

Палеолитические орнаменты, наряду с художественными изображениями и пластикой, с середины прошлого века принимаются научным сообществом как полновесные текстовые структуры, сохраняющие, передающие, конкретизирующие, усиливающие информационные потоки отдельной культурной общности.¹ В любой культуре, группы ее пред-

ставляющие, используют в коммуникации определенное количество знаков и символов, комбинируя из них сообщения — «правильные последовательности».² При этом сообщения палеолитической эпохи (как и последующей мезолитической) не отличаются широким спектром/вариабельностью используемых знаков.³ «Палеозаписи» в формате/

¹ См.: Топоров В. Н. К происхождению некоторых поэтических символов. Палеолитическая эпоха // Ранние формы

Шмидт Ирина Викторовна — к.и.н., доцент кафедры теологии и мировых культур, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (г. Омск)
 E-mail: rebew@rambler.ru

* Благодарности: Е. М. Беспрозванному, руководителю НАЦ АВ КОМ-Наследие (г. Екатеринбург), за техническую и финансовую поддержку проектов, посвященных исследованию стоянки Черноозерье II и ее коллекций; Е. Ю. Гире (г. Санкт-Петербург), с.н.с. экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН, за бесконечное терпение и поддержку автора всем необходимым (сырьем, каменными инструментами, советами); И. В. Федотовой, сотруднику Омского государственного историко-краеведческого музея (г. Омск), главному хранителю, за поддержку в исследованиях коллекции.

искусства. М., 1972; Гаврилов К. Н. Женщина — зверь — орнамент. Культурная специфика в искусстве эпиграфетта на Русской равнине // РА. 2009. № 4. С. 67, 68; Калинина И. В. Очерки по исторической семантике. СПб., 2009. С. 117; Привалова В. М. Символы культурно-исторического текста в динамике образовательного дискурса // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2009. Т. 11, № 4 (2). С. 551; Она же. Обусловленность орнамента как знаково-символического ритуала в культуре // Там же. 2011. Т. 13, № 2 (4). С. 1003; Она же. Орнамент как интерпретация знаково-символического ритуала в методологии исследования семиосферы / когитосферы / духовной сферы культуры и искусств // Там же. 2013. Т. 15, № 2 (4). С. 1100, 1101; Привалова В. М., Петренко В. Ф. Психосемантика орнамента в семиотике культуры // Там же. 2014. Т. 16, № 2 (2). С. 484, 489; Сериков Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил, 2014. С. 104; Ошибкина С. В. Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры веретье). М., 2017. С. 16, 17; Викторова В. Д. Вещь и знак в археологии. Екатеринбург, 2017. С. 63; и др.

² См.: Топоров В. Н. Указ. соч. С. 79.

³ См.: Кожин П. М. О древних орнаментальных системах Евразии // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 132.

форме орнаментов могут продемонстрировать лишь некоторые признаки развитых текстов: простейшую ритмику ограниченного набора элементов и устойчивость связей последних.⁴ Отчасти это снижает к ним интерес,⁵ но менее значимыми они от этого не становятся. В условиях «дефицита» знакового разнообразия в сохранившихся текстовых репликах древних эпох исследовательское внимание переключается на дополнительные коды орнаментальной реальности, к примеру технический порядок создания узора. Этот тезис понятен археологам, для которых технологический принцип получения артефакта порой является основанием для рассуждения о его культурной принадлежности. Не менее весом он и для анализа орнаментальных знаков и сюжетов. Другая особенность — синтаксис простейших знаков в записях, их морфология. К примеру, фигуру ромба можно получить несколькими начертательными способами, и именно способ его получения (порядок переплетения линий), а не знак (ромб) может стать культурно-идентифицирующим признаком записи.

Эти особенности работы с/над орнаментом консервативны, могли передаваться от поколения к поколению тысячелетиями, невзирая на изменение материала носителей, дивергенцию групп, изменения семантической нагрузки самого знака.⁶ С течением времени на определенной территории в орнаментальных текстах наблюдается преобладание не только конкретной формы знаков: ромбов, крестов, зигзагов и других простейших элементов, — но и технических принципов их создания, сочетания, согласованности в орнаментальном поле. Если первое способствует развитию рассуждений о магии и мифологии, то ко второму принято относиться с большей долей рациональности и вниманием. В этой ситуации многие параметры самой записи: ее полнота, продолжительность, степень сохранности — могут потерять решающее значение, и значимость приобретают уже другие ее аспекты.

⁴ См.: Топоров В. Н. Указ. соч. С. 78.

⁵ См.: Шмидт И. В. Орнаменты палеолита Северной Азии: к исследованиям иконографии // *Universum Humanitarium*. 2017. № 2. С. 51.

⁶ См.: Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока // ТИЭ. Новая серия. Т. 81. М.; Л., 1963. С. 23, 42; Кожин П. М. Указ. соч. С. 131, 132; Викторова В. Д. Указ. соч. С. 63; Ошибкина С. В. Указ. соч. С. 27; Волков П. В., Лбова Л. В. Особенности технологии обработки бивня и основной инструментарий при изготовлении предметов мобильного искусства в мальтинской коллекции // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 166; и др.

Источники и цель исследования

Источниками исследования являются материалы стоянки Черноозерье II (Саргатский район, Омская область), полученные в ходе ее изучения Уральской археологической экспедицией в 1960–1970-х гг. В истории любой коллекции есть печальные эпизоды, черноозерская не исключение. Первый — объем сохранившегося. Коллекция рассредоточена между Археологическим музеем Уральского гуманитарного института УрФУ и Омским государственным историко-краеведческим музеем, что не облегчает ее изучения. Трудные времена для музеев сказались на ее полноте; некоторые артефакты утеряны, об их специфике мы можем судить благодаря публикациям В. Ф. Генинга и В. Т. Петрина. Вторая проблема — качественная разница сохранившихся материалов. Есть «безусловные шедевры», к примеру черноозерский кинжал, но есть и «невзрачные» фрагменты, на полноте которых сказались и тафономический контекст, и тяжелая рука археолога, сократившие их и без того краткий информационный объем. К ним не возникает исследовательского интереса, большая их часть не представлена даже на уровне тезисов. Попытаемся исправить данное положение на конкретном примере. С опорой на ряд параметров: особенности формы знаков, орнаментальную ритмику записи, синтаксис элементов, особенности технологии их получения — продемонстрируем информационный потенциал двух небольших фрагментов изделий. Для реализации поставленной задачи будут актуальны стилистический и морфологический, технологический, экспериментально-трасологический методы.

Анализируемые артефакты хранятся в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея. Реконструкция их изначальной формы и полноты орнаментальной композиции невозможна. Но столь ли эти фрагменты когнитивно бесперспективны/эвристически бесполезны? Сомнения на данный счет возникли после проведения ряда экспериментов по воссозданию отдельных сюжетов черноозерского орнамента.

Фрагмент изделия (ОМК 9675/710): длина 50,4 мм, ширина 31,5 мм, толщина варьируется от 1,8 до 12,1 мм. Состояние фрагмента удовлетворительное. Материал — сегмент лопаточной кости млекопитающего. Сохранившийся край изделия демонстрирует обработку

кости неглубоким остевым снятием и оформление полученных кантов короткими прорезями. В этой же зоне, у края изделия, заметна часть контура конусовидного отверстия с максимальным диаметром 5 мм (минимальным 4 мм). В месте максимального приближения к краю произошло нарушение его целостности. Цвет поверхности — светло-коричневый, коричневато-серый, с темными пятнами дендритов. Начальная интерпретация — обломок изделия из кости с отверстием и насечками по краю;⁷ изделие неустановленного назначения (цв. вклейка, рис. 1, I).⁸

Протяженность сохранившейся орнаментальной записи составляет 31,4 мм. Знаковый актив представлен исключительно короткими нарезками, длиной до 2 мм, с шагом от 1 до 0,8 мм, пущенными «через край» под наклоном слева направо и с обратной стороны в зеркальном отражении — справа налево (рис. 1, 2А). При данной стратегии нанесения орнамента оформленное ребро изделия выглядит скрепленным «колосковым плетением». В зоне слияния двух кантов («полотен») «колосок» переходит в перехват прямыми нарезками через край. Сохранилось три прямых «стежка» (рис. 1, 2А, 2В).

Запись построена морфологически монотонно. Ни метрические параметры знаков, ни интервалы между знаками не дают повода к рассуждениям о преднамеренной группировке и выделении некоторых из них в качестве ключевых элементов записи. Кант 1 сохранил 15, кант 2 — 17 элементов, в зоне их соединения — 3 знака.

Технический аспект их выполнения не так прост, как может показаться при поверхностном ознакомлении с ними. V-образный в поперечном сечении канал прорези с углом расхождения бортов от 70 до 90° нельзя получить легким скольжением лезвия инструмента по костяной грани — это не насечки. Они получены врезанием острия инструмента в поверхность, с коротким протаскиванием лезвия, расположенного под углом относительно вертикали паза. Для экспериментального воспроизведения данной процедуры была использована обычная пластина без дополнительной

обработки режущего края. В некоторых случаях приходилось неоднократно повторять кинематическую цепочку (врезание и протаскивание вперед) до получения необходимой глубины и ясности наблюдения каналов. Подошвы оригинальных знаков сохранили характерный рельеф от несовпадения векторов движения лезвия (рис. 1, 2Б), идентичных экспериментальным.⁹ Поверхности бортов каналов ровные.

После оформления изделие находилось в эксплуатации. Под микроскопом видны залощенные участки (рис. 1, 3), как и мелкие царапины, нарушающие канты знаков. Природа их происхождения неизвестна.

Фрагмент кости с орнаментом (ОМК 9675/713): длина 27,3 мм, ширина 22 мм, толщина 1,4 мм. Материал — ребро крупного копытного. Лицевая поверхность и сохранившийся край изделия залощены; вентральная тщательно выскоблена, следы инструмента сглажены. Цвет поверхности — желтовато-бежевый с мелкими рассредоточенными пятнами дендритов. Ранее в публикациях не упоминался (цв. вклейка, рис. 2, I). Состояние удовлетворительное, но ввиду рыхлости и пересушенности кости она начинает рассыпаться.

На лицевой поверхности фрагмента изделия, вдоль его сохранившегося края фиксируется участок знаковой записи (рис. 2, 2А). Она состоит из зигзага и звена контрзигзага. Протяженность зигзага с четырьмя сохранившимися вершинами составляет всего 15 мм. Метрические характеристики его центрального звена (с вершиной/«коленом», обращенной к краю изделия): ширина 7,8 мм и высота колена 3 мм, ширина канала пропила 0,5 мм, сечение канала U-образно, глубина до 0,5 мм. Запись выполнена в следующей последовательности технических этапов: эскиз и углубление прорезанием узора. Углубление обеспечено однократным усиленным «протаскиванием» острия инструмента по намеченному каналу. Нет возможности судить о типе данного оружия, но сечение канала говорит о тонкости лезвия и утрате заостренности рабочего края.

Соединение элементов реализовано через стык прямых. Работа выполнена без технических ошибок: нет следов «выпадения» инструмента из каналов эскиза. Наблюдается идеальная (насколько об этом можно судить

⁷ См.: Петрин В. Т. Раскопки позднелитической стоянки Черноозерье II на Среднем Иртыше // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 14.

⁸ См.: Он же. Палеолитические памятники Западносибирской равнины. Новосибирск, 1986. С. 63; Генинг В. Ф., Петрин В. Т. Позднелитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск, 1985. С. 55.

⁹ Ввиду ограниченности объема изложения нет возможности проиллюстрировать экспериментальные наблюдения. Этому будет посвящена отдельная статья.

в масштабе сохранившейся записи) ритмика развития записи. И сам узор, и технический порядок его реализации были хорошо отработаны мастером.

Случайное стечение обстоятельств (изменение угла освещения плоскости) выявило присутствие на поверхности фрагмента еще одной записи, более короткой и не столь рельефной — контрзигзага (рис. 2, 2Б). Это дополнение состоит из одного однозначно читаемого звена/колена и элемента незаконченного звена. Канал не проработан, по этой причине сюжет справедливо назвать наброском, что проясняет технологическую цепочку создания гравированных узоров на стоянке. Мастер, работавший над «дополнением», стремился к соприкосновению вершин звеньев зигзага и контрзигзага, но полной зеркальности достигнуть не удалось. Ширина шага отраженного звена короче, чем у копируемого — 5 мм, высота колена 2,2 мм, ширина канала пропила 0,3 мм, сечение канала U-образно, глубина до 0,3 мм. В итоге получена небрежно исполненная разомкнутая ромбовидная фигура (рис. 2, 2Б, 2В). Ввиду очевидной неритмичности дополнения и технической ошибки — искривления одного из каналов и неудачной попытки его выравнивания — работа, по-видимому, была остановлена на фазе эскиза.

Отметим присутствие в композиции двух едва различимых неглубоких насечек, размещенных на ребре изделия, несколько смещенных относительно центрального звена зигзага (рис. 2, 2А, 2В). По метрическим параметрам они соотносимы с элементами ОМК 9675/710. Но в техническом отношении это именно насечки, а не прорезы.

Каждый из заявленных фрагментов формулирует свой круг вопросов, продолжающих исследование, но есть и общие — поиск технических и стилистических аналогий орнаментального оформления.

Порядок рассуждений о технических аналогиях в отечественной практике пока не сложился. О том, какие процедуры способствовали появлению знака-элемента, о его метрических показателях сообщается крайне редко, что мешает сопоставлению результатов и выявлению технических аналогий. Но данная область наблюдений развивается, постепенно появляются работы, адресованные анализу регионального материала и теоретическим вопросам.¹⁰

¹⁰ См.: Rusinowa. The Symbolic Culture of Foragers in the Late Palaeolithic and the Early Mesolithic. Wrocław, 2017; Еньшин Д. Н., Скочина С. Н. Орнамент на изделиях из

Экспериментально-трассологическое направление, без участия которого рассуждения по данным вопросам невозможны, помогает уйти от шаблонов восприятия и скорректировать понимание «очевидных вещей». К примеру, часть орнаментальных элементов обсуждаемых и других артефактов коллекции была выполнена вырезанием, тогда как пиление/пропиливание в ряде случаев кажутся более уместным — это знаки ОМК 9675/710, крестообразные знаки на фрагменте рукояти ОМК 9675/701 и на фрагментах «игольников» ЧЗ П.65, ЧЗ П.67, кант на фрагменте ЧЗ П.69 (материал в печати). Наблюдение данных материалов ставит вопрос о сочетании технических способов получения орнамента на конкретном памятнике. Не исключено, что различные группы вырабатывали индивидуальные технологические цепочки орнаментирования. Этот вопрос необходимо исследовать.

Важны предлагаемые наблюдения и для дискуссии о хронологическом соотношении различных технических процедур, к которым обращались древние мастера. Известно мнение об архаичности резки/вырезания элементов,¹¹ зафиксировать их на материалах переходного от палеолита к мезолиту периода несколько неожиданно. Уже близка эпоха «паутинных» узоров мезолита, а черноозерцы практикуют их резку, изредка обращаясь к тонкой насечке. Чем архаичнее знак, тем более он углублен в поверхность, тем больше усилий приложено для обеспечения его отчетливого прочтения за счет ширины канала. Вряд ли удастся обнаружить раннюю фазу «нивелировки» данного показателя, но тенденция может быть отмечена в технологической синкретичности черноозерских узоров. Подтверждение тому — две тонкие насечки ОМК 9675/713, аналогичные знаки на «диадеме» ОМК 9675/709, 712 при подавляющем преобладании углубленных

кости и рога неолитического комплекса поселения Мергель 6 // Вестн. археол., антропол. и этногр. 2017. № 2 (37). С. 15–29; Волков П. В., Лбова Л. В. Указ. соч.; Ахметгалеева Н. Б., Дудин А. Е. Новые произведения искусства с верхнепалеолитической стоянки Костенки 11, 1а культурный слой: технологический анализ и предварительные трассологические наблюдения // Археология евразийских степей. 2017. № 2. С. 31–54; A decorated raven bone from the Zaskalnaya VI (Kolosovskaya) Neanderthal site, Crimea / Majkić A. [et al.] // PLoS ONE. 2017. № 12 (3): e0173435; Кулаковская Л. А., Хлопачев Г. А., Усик В. И. Орнаментированный предмет со стоянки Дорошивец III: культурно-хронологический контекст и художественные особенности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 2 (64). С. 215–227.

¹¹ См.: Ахметгалеева Н. Б., Дудин А. Е. Указ. соч. С. 31.

знаков и элементов.¹² Идет ли речь об игнорации эскизов или преднамеренном выражении «второго содержательного плана» — пока непонятно. Но в любых предварительных заключениях необходима осторожность. К примеру, ситуация, зафиксированная на фрагменте ОМК 9675/713, выраженная в метрической диспропорции зигзага и контрзигзага. Вряд ли в данном случае речь идет о хронологическом разрыве в развитии композиции, скорее о рециклинге костяных фрагментов на стоянке. Фрагмент костяного изделия с зигзагообразным сюжетом, уже не вызывавший серьезного интереса, мог привлечь внимание начинающего костореза, отработывавшего навыки гравировки. О том, что его рука не была готова к этой работе, говорят следы ошибок: неумение соотнести ритмику и параметры знаков зигзага и контрзигзага; пренебрежение фазой эскиза/наброска; скованность кисти — лезвием инструмента «управляет» поверхность, а не сознание (фиксируется раздвоение линии). Для резки орнамента необходимо было нарабатывать кинематику руки на основных/характерных элементах, и для этого использовали бросовый материал. Перед нами, очевидно, свидетельство подобных тренировок.

Экспериментальное воспроизведение орнаментов, безусловно, помогает их пониманию. Прежде чем рассуждать о семантической нагрузке особенной формы знаков, необходимо получить понимание элементарных технических аспектов создания орнаментов: положения инструмента, давления на него, его подбора для выполнения различных процедур; кинематики работы над различными элементами; состояния сырья, его природы (рог режется иначе, чем бивень, дерево иначе, чем кость), важности увлажнения поверхности (сухая поверхность «сопротивляется» резцу, активнее уводит его по ложным траекториям, не имеющим отношения к замыслу) и т. д. Отечественная научная практика пока лишь в начале этого пути. Но уже сейчас очевидно заключение, что наличие «бесперспективных» артефактов — это проблема метода анализа и корректно поставленной цели исследования.

Рассуждения о стилистических аналогиях отдельным орнаментальным сюжетам более традиционны в палеоискусствоведении. Сти-

листическая выразительность узора зависит от формы знаков, особенностей их морфологии и синтаксиса. Рассматривая расположение знаков на фрагменте ОМК 9675/710, легко согласиться со справедливостью плектогенной теории происхождения отдельных сюжетов.¹³ Следы технических процедур/процессов рано получили символическое осмысление и были перенесены на остальные, часто не сопоставимые с первоисточниками материалы: швы, отработанные на шкурах, кожах, другой органике, переносятся на кость. Косые краевые нарезки («обметка»), переходящие в прямой «соединительный перехват» при встрече двух костяных «полотнищ», однозначно передают идею «скрепления»/«сшивания». Примеры подобного оформления известны на больших пространствах и в любую эпоху. Представлены они как в материалах восточных палеолитических комплексов (Афонтова гора, Ошурково, Таштык, Шестаково), так и западных (начиная с Заскальная IV (Колосовская), Молдова V, заканчивая Костенками и Авдеево). В мезолите наблюдается расширение ойкумены его использования за счет включения в круг анализа многочисленного североевропейского и уральского материалов.

Мотив, объединяющий зигзаг и контрзигзаг, известен в оформлении палеолитических и мезолитических артефактов юга Западной Сибири и Урала. Но отмеченный в Черноозерье синтаксис редок, встречается лишь в оформлении Большого Шигирского идола, датированного в диапазоне от 6–7 до 10,5 тыс. до н. э.¹⁴ Выразим несколько рассуждений по данному поводу. Первое — высокая вероятность хронологической синхронии сравниваемых материалов. Последние даты для черноозерского материала, полученные по кости из культурного слоя: MAMS 41253: cal BC 11021–10775; MAMS 27135: cal BC 10659–10288, выдают наличие точек хронологического соприкосновения названных образцов. Второе — частное наблюдение, ранее не отмечавшееся исследователями идола. Одним из важных сюжетов в его оформлении является комбинация зигзага и вторящего ему контрзигзага. Ритмика их согласованности также далека от идеала, что может иллюстрировать

¹² См.: Шмидт И. В. «Диадема» палеолитической стоянки Черноозерье II (Прииртышье): проблемы интерпретации // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 28. С. 38–51.

¹³ См.: Иванов С. В. Указ соч. С. 14, 15; Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976. С. 245.

¹⁴ См.: Большой Шигирский идол в контексте раннего мезолита Зауралья / Савченко С. Н. [и др.] // Урал. ист. вестн. 2018. № 1 (58). С. 13, 14.

преобладание смыслового компонента в творчестве над формальным. Но есть еще одно замечание. Практикуемый порядок соединения (синтаксис) зигзага и контрзигзага порождает сюжет второго прядка (неочевидный) — цепочку полуразомкнутых по вертикали ромбов. Если он был целью мастеров, то они выбрали трудоемкий порядок его получения. Есть более простой — переплетение крестообразных знаков (также известное в Черноозерье). Но факт обращения разных авторов к усложненному синтаксису записи свидетельствует о разделении/понимании ими ее конструктивного принципа: некая идея могла быть выражена исключительно данным порядком, более легкий вариант привел бы к искажению смысла. Черноозерский мастер, «тренируя» руку, мог выбрать любой из мотивов, к примеру удвоенное зигзага — в техническом отношении сопоставимая практика. Но ему была важна не только техническая сторона процесса. Он пытался воспроизвести сюжет. В условиях ограниченности знакового набора и культурной регламентации его использования «выдумать» сюжет и реализовать «выдуманное» непросто,¹⁵ даже если речь идет всего лишь о «технической подготовке». Группе, к которой принадлежал мастер, он должен был быть знаком, а его использование наделено смыслом. Хронологически сопоставимые цепочки разомкнутых ромбов (полученных указанным синтаксическим порядком) на данный момент известны только по уральским материалам. Они заполняют значительное пространство лицевой и оборотной плоскостей Большого Шигирского идола, несколько позже станут заметны в оформлении наконечников стрел из пещеры Камень Дыроватый, деревянных изделий из Замостья 2, мезолитических изделий

Дании. Удивительно, что «начало» мотива фиксируется на юге Западной Сибири.

Оформление рассмотренных фрагментов костяных изделий позволяет затронуть ряд теоретического плана вопросов отечественной палеоорнаментологии: морфологию орнаментальных сюжетов/знаков, хронологические маркеры орнаментов, принципы наблюдения и фиксации узоров, культурно-генетические аспекты развития простейших сюжетов и др. Без тщательного анализа и публикации «бросового» материала мы не сможем качественно включиться в рассмотрение давно заявленной проблемы о векторах и стратегиях освоения территории юга Западной Сибири в финале палеолита. На данный момент она развивается с опорой на технико-типологические параметры каменных индустрий опорных памятников, что в условиях наличия орнаментированного материала на некоторых из них несправедливо. Являясь маркерами групповой идентичности, орнаментальные сюжеты фиксируют если не единство, то как минимум контакты черноозерской группы с западными территориями. Мы не знаем, кем были черноозерцы, откуда они пришли, с какими целями/намерениями, были ли у них на данной территории конкуренты. Они оперируют оригинальным, комбинированным орнаментальным языком, впитавшим в себя западные и восточные («мальгинские») палеоэлементы.¹⁶ Этот язык не только сформирован на данной территории, но и определяет ее дальнейшую орнаментальную специфику в последующие тысячелетия.¹⁷ Насколько он был распространен, покажут дальнейшие исследования. Их необходимо развернуть в полях и, что важнее, в запасниках музеев.

Irina V. Schmidt

Candidate of Historical Sciences, Omsk F. M. Dostoevsky State University (Russia, Omsk)

E-mail: rebew@rambler.ru

INFORMATION POTENTIAL OF BONE ARTIFACTS' ORNAMENTED FRAGMENTS FROM THE CHERNOOZERYE COLLECTION

The research is aimed at updating the attention to the collections from museum storerooms, to the artifacts fragments that make up the bulk of their funds. The late Paleolithic Chernoozerye II site is located in the Sargatsky district of the Omsk region, it was discovered and studied in the late 1960s

¹⁵ См. прим.: Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 91–93.

¹⁶ См.: Шмидт И. В. Орнаменты палеолита Северной Азии...; Schmidt I. V. The chernoozersky ornamental pattern: Reconstruction of evolution // Program of international Workshop and Conference "Great shigir idol in the context of North Eurasia stone age art". Ekaterinburg, 2017.

¹⁷ См.: Енышин Д. Н., Скочина С. Н. Указ. соч. 2017.

and early 1970s by the Ural archaeological expedition led by V. F. Gening and V. T. Petrin. Materials of this complex are well published by its discoverers. Bone artifacts decorated with ornaments are represented by a dagger, fragments of diadems, pendants, and a “hatchet”. The study is focused on two fragments of bone artifacts with a disturbed ornamental record, they are stored at the Omsk State Museum of History and Local Lore (OMK 9675/710, OMK 9675/713). The author discusses the technical algorithm of ornamental practice that is typical for this complex. The revealed stylistic features of ornamental plots contribute to the development of certain topics of paleoart studies — morphology of ornamental plots/signs, chronological markers of ornaments, principles of observation and fixation of patterns, cultural and genetic aspects of the development of simple plots. The results are offered as arguments for the development of a discussion about the vectors of cultural development in the south of Western Siberia in the final Paleolithic. For the first time, based on the characteristics of the key parameters of ornamental plots (the form of signs and the syntax of their constituent elements), the paper has indicated to the connection between the Chernoozerye material and the Ural ornamental tradition of the final Paleolithic — early Mesolithic.

Keywords: *South of Western Siberia, final Paleolithic — early Mesolithic, Chernoozerye II site, ornamented fragments of bone artifacts, ornamental plot, technical and stylistic analogies*

REFERENCES

- Ahmetgaleeva N. B., Dudin A. E. [New art artifacts from the Upper Palaeolithic site of Kostenki 11, layer 1a: the technological and preliminary functional analysis]. *Arkheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian steppes], 2017, no. 2, pp. 31–54. (in Russ.).
- Enshin D. N., Skochina S. N. [Ornaments on bone and horn artefacts from the Neolithic complex of the settlement of Mergen 6]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2017, no. 2 (37), pp. 15–29. DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-015-029 (in Russ.).
- Gavrilov K. N. [Woman — animal — ornament. Cultural specificity in the Epigravettian art of the Russian Plain]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], 2009, no. 4, pp. 66–80. (in Russ.).
- Gening V. F., Petrin V. T. *Pozdnepaleoliticheskaya epokha na yuge Zapadnoy Sibiri* [The Late Paleolithic epoch in the South of Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1985. (in Russ.).
- Ivanov S. V. [Ornament of the peoples of Siberia as a historical source (based on the materials of the 19th — early 20th century). Peoples of the North and the Far East]. *Trudy instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya* [Proceedings of the Institute of Ethnography. New series]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1963, vol. 81. (in Russ.).
- Ivanov V. V. *Ocherki po istorii semiotiki v SSSR* [Essays on the history of semiotics in the USSR]. Moscow: Nauka Publ., 1976. (in Russ.).
- Kalinina I. V. *Ocherki po istoricheskoy semantike* [Essays on historical semantics]. Saint Petersburg: SPbGU Publ., 2009. (in Russ.).
- Kozhin P. M. [On ancient ornamental systems of Eurasia]. *Etnoznakovye funktsii kul'tury* [Ethno-Sign functions of culture]. Moscow: Nauka Publ., 1991, pp. 129–151. (in Russ.).
- Kulakovskaya L. V., Khlopachev G. A., Usik V. I. [An ornamented artifact from Doroshivtsi III site: cultural, chronological context and artistic features]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2019, no. 2 (64), pp. 215–227. DOI: 10.18503/1992-0431-2019-2-64-215-227 (in Russ.).
- Lévy-Bruhl L. [Primitive mentality]. *Sverhestestvennoe v pervobytnom myshlenii* [The supernatural in primitive mentality]. Moscow: Pedagogika-Press Publ., 1994. (in Russ.).
- Majkić A., Evans S., Stepanchuk V., Tsvelykh A., d’Errico F. A decorated raven bone from the Zaskalnaya 6 (Kolosovskaya) Neanderthal site, Crimea. *PLoS ONE*, 2017, no. 12 (3): e0173435. DOI: 10.1371/journal.pone.0173435 (in English).
- Oshibkina S. V. *Iskusstvo epokhi mezolita (po materialam kul'tury veret'ye)* [The art of the Mesolithic period (on the materials of the Veretie culture)]. Moscow: IA RAN Publ., 2017. (in Russ.).
- Petrin V. T. [Excavations of the late Paleolithic Chernoozerye 2 site on the Middle Irtysh] *Iz istorii Sibiri. Materialy po arkheologii Zapadnoy Sibiri* [From the history of Siberia. Materials on the archaeology of Western Siberia]. Tomsk: TGU Publ., 1974, iss. 15, pp. 13–17. (in Russ.).

Petrin V. T. *Paleoliticheskiye pamyatniki Zapadnosibirskoy ravniny* [Paleolithic sites of the West Siberian Plain]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1986. (in Russ.).

Privalova V. M. [Ornament as interpretation of sign-symbolical ritual in methodology of research of semiosphere / cogitosphere / spiritosphere of culture and art]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, vol. 15, no. 2 (4), pp. 1094–1101. (in Russ.).

Privalova V. M. [Ornament conditionality as sign and symbolic ritual in culture]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2011, vol. 13, no. 2 (4), pp. 1001–1010. (in Russ.).

Privalova V. M. [Symbols of cultural-historical text in educational discourse dynamics]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2009, vol. 11, no. 4 (2), pp. 550–553. (in Russ.).

Privalova V. M., Petrenko V. F. [Psychological semantics of an ornament in semiotics of culture]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2014, vol. 16, no. 2 (2), pp. 482–489. (in Russ.).

Rusinowo. *The Symbolic Culture of Foragers in the Late Palaeolithic and the Early Mesolithic*. Wrocław: University of Wrocław, Institute of Archaeology, 2017. (in English).

Savchenko S. N., Zhilin M. G., Terberger T., Heussner K.-U. [Idol in the context of the Early Mesolithic in the Trans-Ural]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 1 (58), pp. 8–19. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-8-19 (in Russ.).

Serikov Yu. B. *Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urala* [Essays on the primitive art of the Urals]. Nizhniy Tagil: IP “Yazykova E. S.” Publ., 2014. (in Russ.).

Shmidt I. V. [“Diadem” of Paleolithic Site Chernoozerie II (Middle Irtysh Region): Problems of Interpretation]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series], 2019, vol. 28, pp. 38–51. DOI: 10.26516/2227-2380.2019.28.38 (in Russ.).

Shmidt I. V. [Paleolithic ornaments of North Asia: notes on iconography research]. *Universum Humanitarium* [Universum Humanitarium], 2017, no. 2, pp. 48–65. DOI: 10.25205/2499-9997-2017-2-48-65 (in Russ.).

Toporov V. N. [To the origin of some poetic symbols. Paleolithic era]. *Rannie formy iskusstva* [Early forms of art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1972, pp. 77–98. (in Russ.).

Viktorova V. D. *Veshch' i znak v arkheologii* [Thing and Sign in Archaeology]. Ekaterinburg: Kvadrat Publ., 2017. (in Russ.).

Volkov P. V., Lbova L. V. [Distinctive features of ivory working technology and main tools for making portable art items from the Malta collection]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2017, iss. 246, pp. 157–168. (in Russ.).

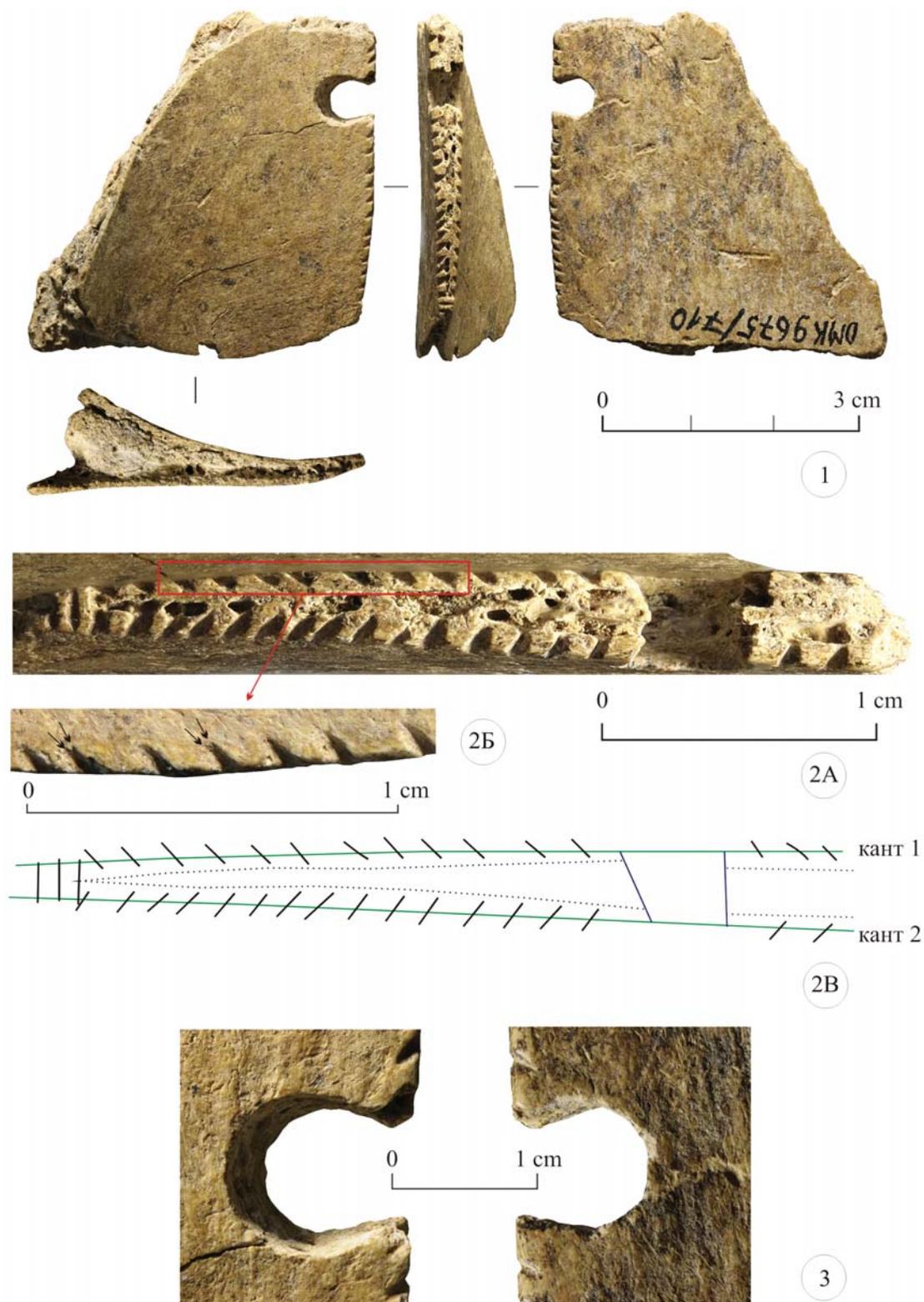

Рис. 1. Фрагмент изделия из кости, ОМК 9675/710
(стоянка Черноозерье II, Саргатский район, Омская область).

1 — фото фрагмента изделия, 2А — крупный план орнаментированного ребра изделия,
2Б — крупный план фрагмента записи, 2В — трассирование записи,
3 — отверстие в двух проекциях наблюдения (лицевой и оборотной)

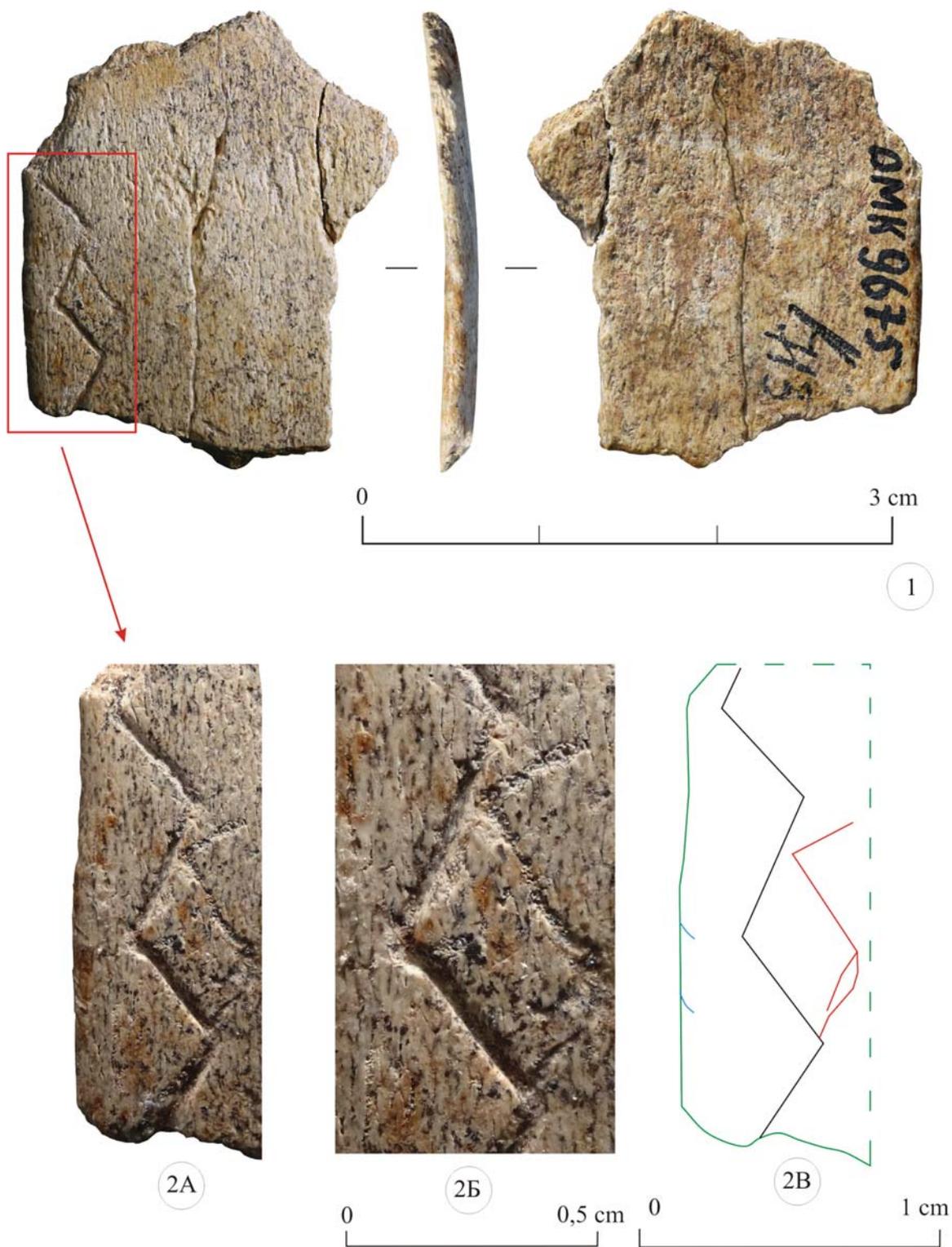

Рис. 2. Фрагмент изделия из кости, ОМК 9675/713
(стоянка Черноозерье II, Саргатский район, Омская область).

1 – фото фрагмента изделия,
2А – крупный план орнаментированного края изделия,
2Б – центральный сюжет, 2В – трассировка записи